

Слово,
об амплуа

Сейчас не принято много об этом говорить. Известно, что современный театр в отличие от выбирающего свои типажки кинематографа часто дает актеру возможность попробовать себя в ролях самого разного плана. И все-таки некоторые театральные амплуа сохраняются. Одно из таких — трагести. Как работает сегодня в этом амплуа? Поддерживают актера его рамки или мешают ему? Сковывают или раскрепощают? С этими вопросами мы обратились к заслуженной артистке РСФСР, трагесте Московского тюза Татьяне КАНАЕВОЙ.

— Знаете, некоторые артисты, играющие детей и подростков, в определенный момент начинают отказываться от таких ролей, — говорит Т. Канаева, — не по возрастным или внешним данным, а потому, что считают: работа над этими ролями замедляет их творческий рост и если не обедняет, то во всяком случае не обогащает. Я не разделяю этого мнения.

У меня нет определенных пристрастий к образам того или иного плана — «возрастного» ли, жанрового ли. Я люблю всякие роли, потому что любая роль дает актеру возможность сказать то, что его волнует.

— Но ведь, кроме ролей амплуа трагести, у вас были и роли «взрослые» — трагическая фигура любящей, но нелюбимой женщины в фильме «Полковник в отставке», бойкая девица Хеся в телеспектакле «Мораль пани Дульской», хрупкая милиционерша из детектива «Сицилианская защита». Как это сочетается с вашим амплуа?

— По-моему, сейчас даже самые специфические амплуа не абсолютны. Ведь никто никого специально не учит играть именно детей и подростков. У меня, например, обстоятельства сложились так, что девочек я начала играть еще в Горьковском театральном училище. Но одновременно играла и Джульетту, играла в «Вечно живых» В. Розова.

СВЕТЛОМЫСЛЬ
Г. МОСКВА

16 APR 1983

— Но ведь каждый из «возрастов» требует от актера своего, специфического подхода! Наверное, над ролью взрослого человека работа идет не так, как над ролью подростка!

— Почему «не так»? Подросток — тот же взрослый. Я никогда не играю в нем ребенка. От сформировавшегося взрослого человека подростка отличается лишь постоянное внутреннее движение, то, что называется «формированием личности».

И все-таки образы взрослых людей и подростков внутренне гораздо ближе друг к другу, чем образы детей — тем и другим. Вот ребенка играть действительно трудно. Это другой мир.

Очень важен для актера возраст зрителей: перед взрослой публикой играешь более «открыто», эмоции — на поверхности, перед публикой юной — более сдержанно, внешне весело и с юмором, но на очень сильном внутреннем эмоциональном накале. Юная публика прекрасно чувствует и принимает такую манеру.

Все, что я сейчас говорю, относится к образам самого разного плана, к персонажам любого возраста.

— И к эпизодам!

— Конечно! Я, например, очень люблю играть эпизоды и выкладываюсь в них не меньше, чем в больших ролях. Вот в сказке «Два клена» я — превращенный в дерево мальчик. Перед публикой я появляюсь лишь в финале, а весь спектакль стою за сценой, трясу дерево — оно же живое, и я вместе с ним реагирую на все происходящее. Играю всюю! Хотя меня никто не видит. Кстати, в рамки какого амплуа укладывается это дерево?.. Я глубоко восхищаюсь артисткой нашего театра Лидией Князевой — это большой мастер. Сегодня, перестав играть девочек, она играет их матерей. Но так же, как переживала судьбы своих юных героев, так теперь переживает, скажем, трагедию молодой женщины во вполне «взрослом» спектакле «Степлякный зверинец».

Так что, мне кажется, не стоит говорить об амплуа: ведь можно играть не похожих друг на друга детей, а можно — близнецов-взрослых. Мне кажется, дело не в амплуа, дело тут в чем-то совсем другом.

Е. МАКСИМОВА.